

© 2018 г.

Э. ШЕРСТЯНОЙ

РЕФОРМА СОВЕТСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ГЕРМАНИИ НА РУБЕЖЕ 1946—1947 годов

Шерстяной Эльке — доктор, приват-доцент, научная сотрудница Берлинского филиала Института современной истории Мюнхен—Берлин (ФРИ).

DOI:

СТАРЫЕ СПОРЫ, НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

Вопросы германской, в частности оккупационной, политики СССР после 1945 г. традиционно пользуются вниманием немецких ученых. Хотела ли Москва объединения Германии или стремилась к ее расколу с целью создания восточногерманского государства советского образца? Менял ли СССР в той или иной ситуации свои планы или допускал с какого-то момента возможность реализации двух альтернативных «проектов для Германии»?¹ Какую роль играла «холодная война» в решении германских проблем?² На эти давно поставленные вопросы до сих пор нет однозначного ответа.

В научных и публичных дискуссиях в Германии друг другу традиционно противостоят две «фракции». Одна исходит из тезиса об экспансионистских целях советской внешней политики. По мнению ее представителей, Москва стремилась как можно скорее сформировать свою сферу господства в Европе, предельно широко раздвинув ее границы. Для этого она целенаправленно перекраивала жизнь своей оккупационной зоны по советским лекалам, добиваясь тем самым разделения Германии. Для характеристики процессов в Советской зоне оккупации Германии (СОЗ) представители этого направления (ныне явно доминирующего) используют термины «советизация» и «внедрение диктатуры». Другая «фракция» считает, что политику Советского Союза в германском вопросе следует рассматривать с учетом его стремления обеспечить собственные интересы безопасности и готовности для этого установить совместно с союзниками такой мирный порядок в Европе, в котором Германия имела бы нейтральный статус и не могла бы войти ни в один союз, направленный против СССР. При таком решении проблемы Советский Союз, с точки зрения сторонников этого подхода, был готов отказаться от установления коммунистического режима в оккупированной им части Германии, что позволило бы обеспечить единство страны. Представители этой «фракции», однако, расходят-

¹ *Loth W.* Die deutsche Frage in der Nachkriegszeit. Berlin, 1994; *Naimark N.M.* The Russians In Germany: The History Of The Soviet Zone Of Occupation, 1945—1949. Harvard, 1995 (в нем. переводе: *Die Russen in Deutschland. Die sowjetische Besatzungszone 1945—1949.* Berlin, 1997); *Badstübner R.* Vom «Reich» zum doppelten Deutschland. Gesellschaft und Politik im Umbruch. Berlin, 1999; *Scherstjanoi E.* Sowjetische Deutschlandpolitik. — Deutschland unter alliierter Besatzung 1945—1949/55. Berlin, 1999; *Sowjetisierung und Eigenständigkeit in der SBZ/DDR (1945—1953).* Köln, 1999; *Wolkow W.K.* Die deutsche Frage aus Stalins Sicht (1947—1952). — *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 2000, № 1.

² *Stöver B.* Der Kalte Krieg. München, 2003; *Wettig G.* Stalin and the Cold War in Europe. The Emergence and Development of East-West Conflict, 1939—1953. Lanham, 2008; *Lauffer J.* Pax Sovietica. Stalin, die Westmächte und die deutsche Frage 1941—1945. Berlin, 2009.

ся во мнениях о том, когда и почему советское руководство отказалось от такой установки, взяло курс на создание восточногерманского государства и построение в нем социализма, насколько последовательно Москва проводила политику, направленную на отделение СОЗ/ГДР, и допускала ли она, в случае изменения обстановки, возможность сохранения или восстановления единства Германии.

С 1990-х годов многие советские архивные фонды открыты для германских исследователей. Московские документы были ими изучены, переведены и изданы, составлены указатели. Первые издания еще не в полной мере отвечали принятым стандартам документальных публикаций³, однако в дальнейшем недостатки были устранены. С 2010 г. Федеральный архив в Берлине стал предоставлять в распоряжение исследователей около 10 тыс. микрофильмированных или записанных на электронные носители копий документов советских оккупационных властей в Германии, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)⁴.

Обеспеченность германских исследователей источниками значительно улучшилась, но стало очевидным, что все это богатство не используется должным образом. Во-первых, создается впечатление, что из огромного массива документов внимание уделяется только тем, которые способны «подкрепить» ранее уже сформулированные трактовки и оценки, особенно тезис о ранней «советизации». Во-вторых, новый материал практически не используется для того, чтобы изучить системно, с опорой именно на документы советскую оккупационную политику и германскую политику в целом в различных сферах жизни СОЗ: в промышленности, сельском хозяйстве, вопросах социального обеспечения, здравоохранения, а также в вопросах денацификации и поддержки демократических элементов в Германии. Несмотря на то, что имеется многотомная публикация документов из архива Министерства иностранных дел Российской Федерации, достаточно полно освещающая процесс формирования стратегии СССР в германском вопросе⁵, справочник по Советской военной администрации в Германии (СВАГ)⁶, а также различные комментированные публикации документов⁷, комплексного исследования советской оккупационной политики в Германии в немецкой историографии как не было, так и нет. Оставляет желать лучшего и использование хранящихся в германских архивах документов, относящихся к периоду существования СОЗ, которые все без исключения доступны для исследователей. Они фактически не привлекаются ни для изучения отношений между СВАГ и немецкими органами, ни для анализа повседневной, зачастую сугубо бюрократической работы советских оккупационных властей, ни для освещения других проблем⁸.

³ Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов 1945—1949. Сб. документов. М., 1994 (2-е изд. М., 2006); *Sowjetische Politik in der SBZ 1945—1949. Dokumente zur Tätigkeit der Propagandaverwaltung (Informationsverwaltung) der SMAD unter Sergej Tjul'panow*. Bonn, 1998.

⁴ *Moskaus Spuren in Ostdeutschland 1945 bis 1949. Aktenschließung und Forschungspläne*. München, 2015.

⁵ СССР и германский вопрос 1941—1949: документы из Архива внешней политики Российской Федерации, т. 1—4. М., 1996—2012; в переводе на немецкий язык: *Die UdSSR und die deutsche Frage 1941—1948. Dokumente aus dem Archiv für Außenpolitik der Russischen Föderation*, Bd. 1—3. Berlin, 2004; Bd. 4 (1948—49). Berlin, 2012.

⁶ Советская военная администрация в Германии. 1945—1949. Справочник. М., 2009; на немецком языке: *SMAD-Handbuch. Die Sowjetische Militäradministration in Deutschland 1945—1949*. München, 2009.

⁷ *Moskaus Spuren in Ostdeutschland 1945 bis 1949. Aktenschließung und Forschungspläne*.

⁸ Исключения представляют вопросы, касающиеся функционирования лагерей для интернированных и работы советских военных трибуналов. По этим сюжетам в последнее время ведет-

Исследования, посвященные СОЗ в целом, политике СССР в германском вопросе и деятельности оккупационных властей, ведутся в Германии параллельно, мало в чем друг с другом пересекаясь. Часто не прослеживается даже желание связать анализ причин тех или иных процессов в СОЗ с распоряжениями оккупационных органов. Если такое и случается, то разногласия в советских органах по тем или иным вопросам и трудности принятия ими согласованного решения по большей части не принимаются во внимание. Очевидна и сохраняющаяся недооценка роли земель и провинций в жизни СОЗ, хотя речь идет об административных единицах, имевших первостепенное значение, поскольку до 1948 г. пять земель и провинций СОЗ оставались главными политическими игроками с немецкой стороны, а центральных немецких органов власти в масштабе всей СОЗ не было. Существовавшие немецкие центральные зональные ведомства не имели властных полномочий, они были всего лишь координационно-информационными органами. Историки забывают и о том, что в рамках СВАГ основная работа по развитию контактов с немцами выполнялась именно военными администрациями земель и провинций. Что же касается немецких земельных и провинциальных правительств, то их по меньшей мере до 1948 г. вряд ли можно считать проводниками коммунистической идеологии, поскольку их состав был разнородным в партийно-политическом отношении.

Однако, несмотря на наличие множества старых и новых вопросов, на которые нет ясного ответа, и получение исследователями доступа к огромному массиву новых документов, в Германии сложилась парадоксальная ситуация: содержательная дискуссия стихла и начались разговоры о «переисследованности» проблем германской политики СССР. Это произошло потому, что почти все проекты по подготовке документальных публикаций по этой проблеме были реализованы представителями упомянутой выше доминирующей «фракции», причем в полном соответствии с ее взглядами и логикой. Другие точки зрения почти не были приняты во внимание, их отбросили как несостоятельные. Монополия в Германии представителей неоконсервативного направления на трактовку германской политики СССР, причины и политический фон установления которой очевидны, наложила отпечаток и на российско-германскую научную кооперацию — российские исследователи, пишущие на эту тему, но (что с прискорбием приходится констатировать), как правило, не знакомые с германскими архивными фондами, охотно подхватывают именно неоконсервативную концепцию и терминологию своих западных коллег. Максимальную же степень готовности последних пойти на уступки отражает главный тезис американского историка Н. М. Наймарка, красной нитью проходящий через его книгу «Русские в Германии»: что бы ни планировали на немецкой земле после 1945 г. советские оккупационные власти («советизацию» или нечто иное), они действовали всего лишь как советские военные и бюрократы, представлявшие сталинскую диктатуру, и просто не могли прыгнуть выше головы — дело неизбежно должно было закончиться «советизацией». Мнение этого авторитетного эксперта в вопросах советской внешней политики послевоенного периода многими в Германии (да и не только в ней) было воспринято как подводящее окончательную черту под дискуссиями.

Однако первоисточники свидетельствуют, что тезис о неминуемой «советизации» Восточной Германии, которая якобы должна была произойти в результате «сознательных и планомерных действий» руководства СССР либо его «подсознательных реакций», вызванных «отсутствием опыта демократии», не состоятелен.

ся интенсивная работа с документами. — Todesurteile sowjetischer Militärtribunale gegen Deutsche (1944—1947). Eine historisch-biographische Studie. Göttingen, 2015.

Не получают документального подтверждения и заявления о «безыдейном волонтеризме» руководства СССР, об использовавшейся им «тактике проволочек»⁹, а также о том, что отсутствие четких указаний из Москвы невольно обеспечивало немцам определенную свободу действий¹⁰. Напротив, новые документы позволяют заключить, что германская политика СССР была продуманной, ориентированной на достижение результата. Она определялась не одним человеком и даже не узкой группой лиц, а формировалась в условиях часто довольно острого противоборства различных точек зрения и отражала широкий спектр интересов. Разумеется, Москва не была застрахована от ошибочных оценок и решений, но она тщательно анализировала позицию западных союзников и пыталась найти пути для сотрудничества. Сознательному или бессознательному внедрению советской модели она всячески противодействовала в тех случаях, когда это, по ее мнению, ставило под угрозу межсоюзническую кооперацию. Источники свидетельствуют, что вплоть до 1949 г. разного рода «революционные иллюзии» внутри СВАГ неоднократно подвергались критике, а такого рода инициативам «давался отбой», поскольку у руководства СССР еще сохранялась надежда на восстановление сотрудничества в рамках Союзного Контрольного Совета (СКС), которое прервалось в 1948 г. Мнение немецких коммунистов было важным для руководства СССР, однако Москва всегда во главу угла своей политики ставила достижение согласованного с союзниками решения германского вопроса, а не расширение властных полномочий Коммунистической партии (КПГ), затем Социалистической единой партии (СЕПГ) на востоке Германии¹¹. При этом серьезные трудности в проведении соответствующей интересам СССР политики в германском вопросе создавала работа весьма неповоротливого аппарата власти в Москве.

Огромный массив документов по вопросам германской политики СССР и деятельности его оккупационных органов в Германии нужно изучать, отбросив политические и идеологические клише. Пора прекратить вылавливать из моря документов лишь те, что «подходят», пренебрегая общеизвестными правилами критики источников¹². Только первоисточник может служить основой правильного описания и адекватной оценки события; нельзя напрямую безоговорочно связывать замыслы исторического субъекта с тем, что получилось в итоге, и наоборот. Изученные историками источники СВАГ — это лишь верхушка айсберга.

В нашей статье с привлечением новых документов рассматривается важный для понимания сути и целей германской политики Советского Союза вопрос, который до сих оставался вне поля зрения исследователей: глубокая перестройка оккупационной политики СССР и деятельности СВАГ на рубеже 1946—1947 гг.

1946 год: ЦЕЛИ СССР В ГЕРМАНИИ И РЕШЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В 1946 г. СССР по-прежнему твердо придерживался линии на выполнение решений, согласованных годом ранее с союзниками: во-первых, скорейшее раз-

⁹ Wilhelm Pieck. Aufzeichnungen zur Deutschlandpolitik 1945—1953. Berlin, 1994, S. 126.

¹⁰ Bonwetsch B., Bordjugov G. Stalin und die SBZ. Ein Besuch der SED-Führung in Moskau vom 30. Januar — 7. Februar 1947. Dokumentation [Aufzeichnungen Suslovs]. — Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte (VfZ), 1994, № 2, S. 281.

¹¹ Не выдерживает критики тезис В. Лота, что «советизация» Восточной Германии вопреки планам СССР произошла под давлением германских коммунистов во главе с В. Ульбрихтом — Loth W. Stalins ungeliebtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wollte. Berlin, 1994.

¹² Пример такого пренебрежения — публикация Г. Веттига — Der Tjul'panov-Bericht: Sowjetische Besatzungspolitik in Deutschland nach dem Zweiten Weltkrieg. Göttingen, 2012.

оружие Германии и ослабление ее экономического потенциала, в том числе путем отделения от нее ряда восточных и юго-восточных областей; во-вторых, денацификация и демилитаризация страны; в-третьих, ликвидация структурных предпосылок для возобновления Германией экспансионистской политики (демонополизация промышленности и разгром прусского юнкерства); в-четвертых, взыскание с Германии в пользу СССР репараций в размере 10 млрд долларов США для возмещения нанесенного ею экономического ущерба¹³. Решение этих задач являлось высшим приоритетом германской и оккупационной политики СССР.

Советское руководство надеялось, что заключение союзниками в ближайшее время мирного договора с Германией обеспечит достижение этих целей¹⁴. Однако в середине 1946 г. оно было вынуждено признать, что выработки державами-победительницами согласованных решений по конкретным пунктам этого договора пока не предвидится. У Москвы тем не менее не было оснований отказываться от своих целей. В течение первого послевоенного года были подготовлены мирные договоры с бывшими союзниками Германии и сохранялась перспектива перехода к более активной работе над аналогичным договором с немцами¹⁵.

Ни советские официальные документы, ни личные воспоминания участников событий не содержат указаний на то, что влиятельные политики СССР в этот период считали целесообразным, осуществимым или оправданным в глазах собственного народа навязывание Германии в целях обеспечения безопасности СССР коммунистического режима. К тому же это потребовало бы огромных капиталовложений, чего разоренная войной страна не могла себе позволить. Советскому Союзу нужна была Германия, привлеченная к ответственности и не способная развязать новую войну. Но и слабая Германия СССР не была нужна. Даже утратившая часть своего прежнего потенциала, она должна была мешать укреплению позиций США в Европе, которое Москвой все больше рассматривалось как опасное. Мирный договор был призван возложить обязательства по возмещению материального ущерба, нанесенного СССР, на всех немцев — не только восточных, но и западных, и тем самым гарантировать более или менее равные условия послевоенного восстановления для всех частей Германии, которая рассматривалась как единое целое. Москва делала ставку на то, чтобы увязать свои интересы безопасности и экономические интересы с сохранением благоприятных перспектив для немцев, и надеялась, что сохранение «духа сотрудничества» с союзниками обеспечит политический успех в деле построения единой и «миролюбивой» Германии. Но этот расчет не оправдал-

¹³ Претензия Советского Союза на выплату ему Германией репараций на сумму 10 млрд долларов не была официально зафиксирована в итоговых документах Крымской (Ялтинской) и Берлинской (Потсдамской) конференций 1945 г. в результате сопротивления западных держав-победительниц, прежде всего Великобритании. Однако советское правительство продолжало ориентироваться на эту цифру в расчете, что она все же будет закреплена в мирном договоре с Германией. Требование СССР было более чем скромным, поскольку германские репарации в этом объеме не компенсировали и 1/10 нанесенного ему нацистской агрессией прямого материального ущерба, который составлял 679 млрд руб. в государственных ценах 1941 г. или 128 млрд долл. США.

¹⁴ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 13 июня 1946 г. по вопросу о будущем Германии и заключении с ней мирного договора. — *Sowjetische Interessenpolitik in Deutschland 1944—1954. Dokumente*. München, 2012, S. 251—253.

¹⁵ На сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) союзных держав в Нью-Йорке 4 ноября — 11 декабря 1946 г. было принято решение о подписании в начале 1947 г. в Париже мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией, и состоялись первые предварительные переговоры по мирному договору с Германией. Была достигнута договоренность, что заместители министров иностранных дел на встрече в Лондоне 14—25 января 1947 г. обсудят спорные вопросы, после чего министры в начале марта 1947 г. согласуют мирный договор в общих чертах.

ся. Разногласия и взаимное недоверие вчерашних союзников неуклонно нарастали, особенно в вопросах изъятия промышленных предприятий и перечисления средств на репарационные счета. Это совпало по времени с обострением противоборства в правящих кругах держав-победительниц, что дополнительно осложняло достижение ими согласия и налаживание сотрудничества при решении вопросов, касавшихся послевоенного устройства Европы.

Для советского руководства 1946 г. был временем тяжелых экономических испытаний не только в своей стране, но и на оккупированной германской территории. Еще в конце 1945 г. оно начало менять порядок получения репараций из СОЗ, пока не совсем понимая, к каким последствиям это может привести. 25 января 1946 г. правительство СССР приняло секретное постановление № 175-68с, которым предусматривалось создание на территории Восточной Германии советских акционерных обществ (САО), в которые планировалось включить около 200 предприятий, ранее намеченных к демонтажу¹⁶. Однако не было ясности в вопросе, как будет осуществляться управление ими. В марте 1946 г. было решено образовать 13 отраслевых САО¹⁷. Для руководства ими в СВАГ создали специальное управление с небольшим персоналом¹⁸. Постановлением от 9 апреля 1946 г. правительство СССР, по-видимому, свело воедино наряды-заказы советских министерств и ведомств, чтобы поставить окончательную точку в вопросе вывоза германских предприятий¹⁹. В конце мая 1946 г. новый главноначальствующий СВАГ В. Д. Соколовский намекнул немцам на возможное прекращение демонтажей²⁰. 6 июня 1946 г. немецкие органы были официально проинформированы о преобразовании большой группы предприятий в советские акционерные общества²¹.

Советская новация в вопросе о репарациях была с настороженностью встречена западными державами и, очевидно, ускорила их переход к политике «сдерживания» СССР²². Расчет советских властей гарантировать путем образования СЕПГ (апрель 1946 г.) победу левых сил на муниципальных, окружных и земельных выборах в СОЗ, запланированных на осень 1946 г., привел к резкому усилению антисоветской пропаганды²³. На Западе все чаще стали звучать публичные заявления, что Москва не проявляет готовности к компромиссам.

¹⁶ СССР и германский вопрос, т. 2, с. 378; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. Р-7317, оп. 7, д. 15, л. 36—37; д. 29, л. 9—25. Утверждение, что впервые о прекращении демонтажа предприятий речь велась в постановлении правительства СССР от 9 апреля 1946 г. (*Laufer J. Politik und Bilanz der sowjetischen Demontagen in der SBZ/DDR 1945—1950. — Sowjetische Demontagen in Deutschland 1944—1949. Hintergründe, Ziele und Wirkungen. Berlin, 2002, S. 54*), является, на наш взгляд, не верным.

¹⁷ В дальнейшем их число неоднократно менялось. — Советская военная администрация в Германии. 1945—1949, с. 476—486.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Называется различное число предприятий, которые предлагалось демонтировать: в общей сложности 700 (СССР и германский вопрос, т. 2, с. 779, прим. 257) или около 800 (*Laufer J. Politik und Bilanz der sowjetischen Demontagen in der SBZ/DDR 1945—1950, S. 57*).

²⁰ СССР и германский вопрос, т. 2, с. 801, прим. 352.

²¹ ГАРФ, ф. Р-7317, оп. 8, д. 5, л. 312—324; *Sowjetische Interessenpolitik in Deutschland 1944—1954, S. 247—249*.

²² Свидетельством антисоветских тенденций в германской политике США является «длинная телеграмма» советника американского посольства в Москве Дж. Ф. Кеннана госсекретарю Дж. Ф. Бирнсу от 22 февраля 1946 г. — *Loth W. Die Teilung der Welt. Geschichte des Kalten Krieges 1941—1955. München, 2000, S. 125—136*.

²³ *Hurwitz H. Die Eintracht der Siegermächte und die Orientierung der Deutschen 1945—1946. Köln, 1984, S. 106—160*.

Изменение правительством СССР практики взимания репараций в Восточной Германии являлось не в последнюю очередь реакцией на предостережения, поступавшие от советских оккупационных властей. Опытный хозяйственник К. И. Коваль, занимавший должность заместителя главноначальствующего СВАГ по экономическим вопросам, жаловался, в частности, в конце 1945 г. на откровенно грабительские действия различных советских министерств на территории СОЗ, которые серьезно осложняли экономическую жизнь Восточной Германии²⁴. Ввиду трудностей, возникших в результате демонтажей, СВАГ пришлось разрешить немецким органам не исполнять приказ № 103 от 19 октября 1945 г., требовавший от них предоставления плана экономического развития на 1946 г.²⁵

Уплата репараций из текущего производства вместо демонтажа предприятий заставляла Москву по-новому взглянуть на вопрос о допустимом уровне развития германской промышленности. Советская сторона не была заинтересована в том, чтобы удерживать промышленное производство Германии на низком уровне. Обсуждавшиеся в первом полугодии 1946 г. в СКС вопросы, касавшиеся денацификации и наказания германских военных преступников, размеров и принципов репарационных изъятий, уровня промышленного производства Германии, общегерманского экономического планирования и создания общегерманских центральных органов управления для всех зон оккупации в качестве предварительной ступени к формированию центрального правительства лишь усиливали напряженность в отношениях между союзниками.

Все оккупационные державы, не в последнюю очередь в целях более эффективного овладения германскими производственными мощностями, стремились наладить отношения с немцами. США, значительно усилившиеся за годы войны в экономическом отношении, делали это, естественно, иначе, чем победители-европейцы с их пострадавшей экономикой, особенно СССР, народное хозяйство которого было в значительной степени разрушено. С точки зрения Запада, продовольствие, которое было необходимо поставлять в Германию, должно было оплачиваться эквивалентным по стоимости вывозом продуктов текущего производства и товарных запасов. Хотя Восточная Германия и не располагала достаточными аграрными резервами, тем не менее, с точки зрения Москвы, вывоз промышленной продукции должен был производиться в первую очередь для компенсации ущерба, а не превращаться в средство торговых платежей. В контексте проблемы компенсаций, снабжения продовольствием и самообеспечения в СКС обсуждался и вопрос о допустимом уровне развития послевоенной германской промышленности²⁶. 26 марта 1946 г. в СКС была достигнута договоренность, что этот уровень должен составлять 55 % от довоенного, что позволит также в соответствии с положениями Потсдамского соглашения удовлетворить советские претензии на репарационные поставки из западных зон оккупации. Но эта договоренность была поставлена под вопрос британской прессой. Политический советник главноначальствующего СВАГ В. С. Семенов докладывал 2 апреля 1946 г. в Москву, что англичане «путем соответственно поставленной пропаганды стремились возбудить у немцев недовольство советской стороной, изображая ее едва ли не единственным носителем

²⁴ *Matschke W.* Die industrielle Entwicklung in der Sowjetischen Besatzungszone (SBZ) 1945—1948. Berlin, 1988, S. 204; *Коваль К. И.* Записки уполномоченного ГКО на территории Германии. — Новая и новейшая история, 1994, № 3; *его же.* Последний свидетель. Германская карта в холодной войне. М., 1997.

²⁵ С января 1946 г. составлялись только квартальные планы.

²⁶ *Болдырев Р. Ю., Невский С. И., Плюмте В.* (ФРГ). Репарационная политика в отношении Германии. — Новая и новейшая история, 2016, № 6, с. 62.

политики деиндустриализации Германии»²⁷. Западные державы стали затягивать в своих зонах оккупации конфискацию предприятий в счет репараций в пользу Советского Союза. В конце апреля 1946 г. американская оккупационная администрация временно приостановила демонтажи на подконтрольной ей территории Германии. В ответ советская сторона отказалась одобрить общегерманский экспортно-импортный план, нарушавший относительно позитивный баланс в этом вопросе, сложившийся в СОЗ. В ответ американцы пригрозили на неопределенное время прекратить демонтажи.

Представители западных держав все громче заявляли о своих сомнениях относительно готовности Москвы к переговорам. Однако советская сторона, не проявлявшая в СКС особой инициативы, по-прежнему продолжала ориентироваться на достижение согласованных решений с союзниками. На нее не повлияла даже речь отставного британского премьера У. Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 г., являвшаяся первым сигналом начинавшейся «холодной войны» и содержащая обвинения в адрес Советского Союза в экспансионистских замыслах, тезис о «железном занавесе» и призыв к западному миру объединиться для противодействия СССР. С июля 1946 г. США и Великобритания начали процесс экономического и административного объединения своих зон оккупации. Их представители все чаще высказывали мнение, что без центрального общегерманского правительства вполне можно обойтись. Это прямо противоречило точке зрения Москвы, которая считала, что необходимой предпосылкой для заключения мирного договора с Германией является как раз формирование такого правительства. Госсекретарь США Дж. Ф. Бирнс в речи, произнесенной в Штутгарте 6 сентября 1946 г., заявил о якобы неизменной заинтересованности США в общегерманском решении, в создании временного германского центрального правительства и общегерманских органов управления экономикой, но обвинил СССР в том, что он своей обструкцией вынудил западных союзников пойти иным путем. Вариант оплаты репараций из текущего промышленного производства США отвергали как неприемлемый. Эта позиция обосновывалась тем, что от населения западных держав-победительниц нельзя требовать, чтобы оно своими поставками продуктов кормило германских рабочих, которые будут трудиться на предприятиях, производящих продукцию для СССР, и тем самым косвенно финансировало выплачиваемые ему репарации.

Если допустить, как это ранее утверждали²⁸, что речь Бирнса была действительно доказательством все еще сохранявшейся у части администрации США заинтересованности в сотрудничестве с СССР, то надо признать, что надежды Сталина достичь согласия с союзниками по вопросу о репарациях и по другим проблемам, являвшимся предметом острых разногласий, вовсе не были иллюзорными. Подпитывал их и тот факт, что при согласовании мирного договора с Италией союзникам все же удалось достичь компромисса.

ДИЛЕММА ПОЛИТИКИ РЕПАРАЦИЙ

В лагере западных союзников постепенно брали верх силы, которые, как свидетельствует секретный британский меморандум от 15 апреля 1946 г. «Будущее Германии и Рур»²⁹, опасаясь усиления коммунистического влияния в Германии,

²⁷ СССР и германский вопрос, т. 2, с. 437.

²⁸ *Gimbel J.* Byrnes' Stuttgarter Rede und die amerikanische Politik in Deutschland. — *VfZ*, 1972, № 1, S. 39—62; *Backer J.* Die Entscheidung zur Teilung Deutschlands. Amerikanische Deutschlandpolitik 1943—1948. München, 1981.

²⁹ *Badstübner R.* Op. cit., S. 134.

выступали против создания центрального германского правительства. На руку им играл и отказ Франции от принципа централизованного руководства германской экономикой. Советская сторона выражала озабоченность происходящим, опасаясь, что это может поставить под вопрос получение репараций из западных зон, о чем была достигнута договоренность в Потсдаме. Для нее было ясно: нет мирного договора, значит, нет ни репараций из промышленности Западной Германии, ни компенсаций из Рурской области, по вопросу о контроле над которой велись острые споры. Затяжки с репарациями из западных зон и разработкой мирного договора стимулировали активность советской стороны по изъятию в счет репараций промышленного оборудования и материалов из Восточной Германии.

Перед СВАГ стояла сложная задача. Ей нужно было выполнять требования Москвы в вопросе репараций и по возможности за счет изъятий из СОЗ компенсировать недостаток репарационных поставок из западных зон. Одновременно следовало хоть как-то обеспечить снабжение немцев в своей зоне и не допустить возникновения политических беспорядков. Но на каком уровне следовало поддерживать потенциал зоны? Что нужно было сделать для того, чтобы не на короткое время, как это предполагалось ранее, а на более длительный срок установить такой оккупационный режим, который позволил бы достичь целей в Германии, согласованных союзниками, и одновременно обеспечил бы получение СССР, пусть даже в неполном объеме, столь необходимой ему компенсации за нанесенный войной ущерб?

Немцы, прежде всего население СОЗ, связывали большие ожидания с сессией СМВД в Москве, запланированной на март 1947 г. Они надеялись, что на ней будут приняты решения о снижении репарационной нагрузки и определены конкретные сроки заключения мирного договора и восстановления единого германского государства. Эти надежды советская сторона умело использовала в пропагандистских целях. Параллельно с этим, стремясь преодолеть возникшие трудности, она с лета 1946 г. постоянно корректировала свою репарационную политику³⁰. Назовем несколько наиболее важных решений в этой области. 19 сентября 1946 г. постановлением правительства СССР был утвержден новый список германских предприятий, которые должны были быть включены в САО³¹. В конце сентября было принято новое правительственное постановление, шедшее в рамках решений СКС, которым предусматривалось создание в СВАГ двух новых структурных подразделений, занимавшихся вопросами репараций: Управления по экономическому разоружению Германии, к которому перешли функции Особого комитета по демонтажам, и Управления по изучению достижений науки и техники в Германии³². За короткий срок несколько раз были изменены штатные расписания САО. В мае — июне 1946 г. штат советских сотрудников САО³³ и входивших в них предприятий был передан

³⁰ В российской литературе сообщается об «особенно больших масштабах» демонтажей, проводившихся в 1946 г. (*Семиряга М. И.* Как мы управляли Германией. М., 1995, с. 126.) Однако отсутствуют детальный разбор фактов и анализ этапов политики СССР по взиманию репараций с Германии.

³¹ Приказ СВАГ № 0310 от 8 октября 1946 г. — ГАРФ, ф. Р-7317, оп. 7, д. 27, л. 4—19.

³² Приказы СВАГ № 0325 от 18 октября 1946 г. (Там же, л. 69—71) и № 0323 от 17 октября 1946 г. (там же, л. 65—67). О создании этих управлений см.: *SBZ-Handbuch*. München, 1990, S. 317—319.

³³ На тот момент их было 11; штат советских сотрудников составлял около 2 тыс. человек, из них 170 генеральных директоров и 176 главных инженеров. В марте 1946 г. советская сторона рассчитывала, что на каждом предприятии, входящем в САО, будут три эксперта, а весь штат Управления советских акционерных обществ, входящего в структуру СВАГ, составит 150 человек. — СССР и германский вопрос, т. 2, с. 378.

в подчинение главноначальствующему СВАГ³⁴. Наконец, к декабрю 1946 г. число предприятий САО сначала было увеличено до 40, а затем сокращено до 31; была утверждена их специализация³⁵. Изменения в структуре, численности персонала и подчиненности САО отражают не только сложность процесса согласования этих вопросах между министерствами в Москве, но и прежде всего стремление советских органов приспособиться к условиям, в которых дальнейшее сотрудничество оккупационных держав выглядело весьма неопределенным, добиться того, чтобы западные державы признали САО в качестве альтернативы демонтажу промышленных предприятий. С середины октября 1946 г. в связи с обсуждением в СКС вопросов децентрализации и декартелизации германской экономики у советской стороны возникли новые соображения относительно правовых основ САО³⁶. Содержание аппарата САО (исключая зарплату советских сотрудников) с октября 1946 г. стало осуществляться за счет себестоимости производства входящих в них предприятий³⁷, что упрощало их возможное в будущем переподчинение.

Кратко описанные выше процессы и их последствия свидетельствуют, что советская сторона занималась поиском перспективной формы удовлетворения своих репарационных претензий, которая в то же время позволила бы избежать полного разорения немцев. Однако разногласия внутри советских органов и между отдельными ведомствами осложняли решение этого вопроса. Осенью 1946 г., после того, как в СОЗ были уже демонтированы несколько тысяч промышленных предприятий³⁸, было объявлено, что предстоят новые демонтажи.

Разворот в репарационной политике вряд ли мог произойти, пока продолжался демонтаж производственных мощностей и не было порядка в изъятиях из текущего производства. Если летом 1946 г. руководству СВАГ удалось успокоить немецкое население обещаниями прекратить демонтажи, то уже осенью обстановка вновь начала накаляться. Подведенные СВАГ 12 декабря 1946 г. итоги экономической политики за прошедший год были неутешительными: хотя промышленное производство в СОЗ в 1946 г. достигло приблизительно 70 % от уровня 1944 г. (47% от уровня 1938 г.), 60 % промышленной продукции на сумму 3,6 млрд рейхсмарок было изъято без какой-либо компенсации на содержание оккупационных войск и оккупационной администрации, а также в счет уплаты репараций. При таких условиях, отмечалось в экономическом анализе СВАГ, нельзя было создать сбалансированную экономику и наладить минимально необходимое снабжение населения³⁹.

³⁴ Оформлено приказом штаба СВАГ № 083 от 4 июня 1946 г. — ГАРФ, ф. Р-7317, оп. 7, д. 30, л. 132—133.

³⁵ SBZ-Handbuch, S. 596–597. Советские ведомственные документы по планированию структуры и деятельности САО на 1947 г. в переводе на немецкий язык. — Sowjetische Interessenpolitik in Deutschland 1944—1954. Dokumente, S. 310—320.

³⁶ Заключение о юридическом оформлении советских промышленных предприятий в Германии, 14 октября 1946 г. — ГАРФ, ф. Р-7317, оп. 45, д. 5, л. 468—472; Записка и. о. начальника Управления советских акционерных обществ А. И. Уткина главноначальствующему СВАГ В. Д. Соколовскому, 26 ноября 1946 г. — Там же, оп. 4, д. 84, л. 30—31.

³⁷ Советская военная администрация в Германии. 1945—1949, с. 478.

³⁸ Согласно сообщению Центрального статистического управления при Госплане СССР от 15 августа 1946 г., на территории СОЗ было демонтировано промышленное оборудование на сумму 1,23 млрд долл. (Sowjetische Interessenpolitik in Deutschland 1944—1954, S. 260). В «Докладной записке о важнейших вопросах экономики Советской зоны оккупации в Германии» аппарата заместителя главноначальствующего СВАГ К. И. Ковалева от 12 декабря 1946 г. говорится о 3316 демонтированных промышленных предприятиях стоимостью 1,5 млрд долл. — ГАРФ, ф. Р-7317, оп. 4, д. 84, л. 95; Sowjetische Interessenpolitik in Deutschland 1944—1954, S. 291—293.

³⁹ ГАРФ, ф. Р-7317, оп. 4, д. 84, л. 89—93; Sowjetische Interessenpolitik in Deutschland 1944—1954, S. 291—293.

В сентябре 1946 г. руководство СЕПГ предупредило СВАГ о надвигающейся «катастрофе в германской экономике»⁴⁰. Это предупреждение советские оккупационные власти не оставили без внимания. В. Д. Соколовский и К. И. Коваль попытались воспрепятствовать демонтажу отдельных предприятий, а некоторые демонтированные предприятия вернуть на место. СВАГ полагала, что экономически более эффективным является сохранение большего числа предприятий в германской собственности (собственности земель и провинций), а также организация работы германских предприятий, взятых в советскую собственность и включенных в САО, в соответствии с производственными планами германских экономических органов. Это представлялось целесообразным и в политическом плане, поскольку после выборов в СОЗ, прошедших в октябре 1946 г., возникли земельные парламенты и правительства. Оценки восточногерманских экономистов и политиков убеждали руководство СВАГ в правильности такого подхода.

Однако в Москве некоторые министерства придерживались иной точки зрения. Интересы отдельных отраслей советской экономики в поставках оборудования и передаче технологий из СОЗ обосновывались ссылками на необходимость скорейшего преодоления последствий войны⁴¹. Советские ведомства по-прежнему направляли в Германию своих экспертов, перед которыми ставилась задача отбирать предприятия для демонтажа. Военная промышленность действовала отдельно от всех — через Министерство вооружения СССР. Некоторые германские исследовательские заведения были переданы в подчинение Особому комитету по Германии при Совете Министров СССР, не входившему в структуру СВАГ⁴². Наряду с предприятиями, в СССР вывозились инженеры и ученые. Например, с октября 1946 г. по март 1947 г. в несколько приемов были вывезены значительная часть оборудования и многие специалисты с оптических заводов Цейса в Йене, что повергло население, причем не только в этом городе, в состояние глубочайшей тревоги⁴³. Когда же дело дошло до ликвидации центров профессионального обучения при заводах Цейса, СВАГ решила вмешаться. «Почему вы допустили такой погром, ... немедленно прекратите эти безобразия», — приказал 24 декабря 1946 г. В. Д. Соколовский заместителю начальника по делам гражданской администрации и начальнику Управления Советской военной администрации в Тюрингии (УСВАТ) генерал-майору И. С. Колесниченко⁴⁴.

Для улучшения координации различных служб, занимавшихся хозяйственными вопросами, Соколовский потребовал установить надзор над всеми работавшими в СОЗ советскими экспертами⁴⁵. В ноябре 1946 г. при поддержке Министерства

⁴⁰ Sowjetische Interessenpolitik in Deutschland 1944—1954, S. 262—274; СССР и германский вопрос, т. 3, с. 178—179.

⁴¹ Sowjetische Demontagen in Deutschland 1944—1949. Hintergründe, Ziele und Wirkungen, S. 147—186.

⁴² О деятельности Особого комитета по Германии см.: Советская военная администрация в Германии. 1945—1949, с. 107—117.

⁴³ Sowjetische Demontagen in Deutschland 1944—1949. Hintergründe, Ziele und Wirkungen, S. 113—145.

⁴⁴ Рукописная помета В. Д. Соколовского на переводе текста жалобы председателя СЕПГ Тюрингии от 19 декабря 1946 г. (ГАРФ, ф. Р-7184, оп. 1, д. 13, л. 436). После начала мероприятий по демонтажу заводов Цейса в октябре 1946 г. дирекции предприятий, земельному руководству, партиям, УСВАТ и СВАГ все же удалось в 1947 г. предотвратить вывоз части производственных мощностей.

⁴⁵ Относительно численности советского персонала в 1946—1947 гг., не находившегося в подчинении СВАГ и оккупационных армейских органов, приводятся различные данные. Как правило, называется цифра 12 тыс. человек. В сообщении уполномоченного Особого комитета по Герма-

внешней торговли СССР ему удалось добиться передачи СВАГ полномочий по контролю над этими службами⁴⁶. Однако его попытка распространить контроль СВАГ на деятельность САО, предпринятая в январе 1947 г., закончилась неудачей. В мае 1947 г. советское руководство, наконец, определилось со структурой САО, которые были переданы в подчинение Главному управлению советского имущества за границей (ГУСИМЗ), выведенного месяцем ранее из состава Министерства внешней торговли и преобразованного в самостоятельный главк при Совете Министров СССР.

На рубеже 1946—1947 гг. неразбериха с принятием решений по вопросам экономической политики в СОЗ достигла своего апогея. Руководители СЕПГ на встречах в СВАГ все настойчивее указывали на возможные негативные политические последствия, на нехватку продовольствия, сырья, топлива, невыносимые условия труда на предприятиях САО, неопределенность с заказами и невыплаты зарплат немецким рабочим, на отсутствие удобрений, дизельного топлива и посевных материалов в сельском хозяйстве. На совещаниях 9 и 11 января 1947 г. до сведения руководства СЕПГ, наконец, было доведено, что демонтажи предприятий в скором времени действительно прекратятся, 74 предприятия вернут немцам, 126 объектов, предусмотренных первоначально к демонтажу в счет репараций, не будут вывезены из СОЗ, а войдут в САО, станут работать в соответствии с зональным производственным планом и, кроме того, в начавшемся году будет «изъято меньше товаров»⁴⁷. 24 января 1947 г. СВАГ издала приказ № 021, которым распорядилась возвратить в собственность германских земель 74 промышленных и сельскохозяйственных предприятия с основным капиталом в размере 4,2 млн. рублей⁴⁸. 30 января — 7 февраля 1947 г. в Москве побывала делегация СЕПГ. 31 января состоялась встреча делегации с И.В. Сталиным, на которой сопредседатель СЕПГ О. Гротеволь сообщил о серьезном положении, сложившемся в СОЗ⁴⁹.

Приближалась московская сессия СМВД держав-победительниц, на которой предстояло обсудить вопрос о мирном договоре с Германией. Сталин по-прежнему считал, что шанс на достижение договоренности с западными союзниками сохраняется⁵⁰. На заданный В. Пиком в Москве вопрос, может ли выработка мирного

нии от 4 июня 1946 г. говорится о 7 тыс. человек. — *Sowjetische Interessenpolitik in Deutschland 1944—1954*, S. 250.

⁴⁶ Приказом № 0360 от 3/4 ноября 1946 г. СВАГ подчинила своему контролю все советские организации на территории СОЗ (ГАРФ, ф. Р-7317, оп. 7, д. 27, л. 289—293); приказом № 0362 от 4 ноября 1946 г. в СВАГ был введен запрет на предоставление напрямую данных о САО прибывшим из Москвы экспертным группам и установлен порядок, при котором передача такой информации допускалась с разрешения В. Д. Соколовского (там же, л. 288—289); приказом СВАГ № 0386 от 21/25 ноября 1946 г. был определен порядок пребывания советских представителей в СОЗ (там же, д. 28, л. 80—83).

⁴⁷ Wilhelm Pieck. *Aufzeichnungen zur Deutschlandpolitik 1945—1953*, S. 98—108. СВАГ уполномочило руководство СЕПГ информировать население о предстоящем улучшении положения. См. заявление по этому вопросу Центрального секретариата СЕПГ от 15 января 1947 г. — *Neues Deutschland*, 16.I.1947.

⁴⁸ ГАРФ, ф. Р-7317, оп. 7, д. 43, л. 92—112.

⁴⁹ Советскую запись беседы делегации СЕПГ с И. В. Сталиным. — СССР и германский вопрос, т. 3, с. 244—264; заметки, сделанные В. Пиком. — Wilhelm Pieck. *Aufzeichnungen zur Deutschlandpolitik 1945—1953*, S. 110—126; запись М.А. Суслова. — *Bonwetsch B., Bordjugov G. Op. cit.*, S. 279—303.

⁵⁰ Директива советской делегации относительно подготовки мирного договора с Германией, утвержденная на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 20 января 1947 г. — *Sowjetische Interessenpolitik in Deutschland 1944—1954*, S. 322—323.

договора занять больше года, министр иностранных дел СССР В. М. Молотов ответил утвердительно⁵¹.

ДЕКАБРЬ 1946 года: В ПОИСКАХ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ

В то время как Министерство иностранных дел СССР, его сотрудники в Берлине, В. С. Семенов и советские представители в СКС занимались подготовкой московской сессии СМВД⁵², В. Д. Соколовский и К. И. Коваль предпринимали новые шаги по оптимизации политики экономических изъятий из СОЗ и ограничению ее негативных политических последствий.

В СВАГ созрела мысль о необходимости связать решение экономических проблем с реформой оккупационного режима. Речь шла о глубокой реорганизации оккупационных институтов и своего рода «перестройке» оккупационной политики. Как свидетельствуют документы, эта идея родилась в ближайшем окружении В. Д. Соколовского. Обращает на себя внимание, что политические структуры СВАГ (аппарат политического советника, Управление информации) в своем анализе ситуации по-прежнему стояли на позициях теории классовой борьбы. Они не признали своей ответственности за неудачный для СЕПГ исход выборов осенью 1946 г. и жаловались на неактивность коммунистов в СЕПГ и их недостаточное умение убеждать население⁵³. Хотя СЕПГ и вошла во все земельные парламенты СОЗ в роли обладательницы самых крупных партийных фракций (за исключением Берлина), тем не менее она нигде не получила абсолютного большинства. В Берлине СЕПГ с 19,8 % голосов оказалась лишь на третьем месте, пропустив вперед христианских демократов (ХДС) с 22,2 % и социал-демократов (СДПГ), за которых проголосовала почти половина избирателей.

Однако отдельные представители оккупационной администрации иначе объясняли причины относительной неудачи СЕПГ на выборах, о чем свидетельствует недавно опубликованный доклад И. С. Колесниченко от 10 января 1947 г.⁵⁴ Этот доклад, отражавший позицию руководства СВАГ, имеет принципиальное значение для анализа изменений в советской оккупационной политике. По мнению Колесниченко, авторитет СЕПГ особенно сильно страдал там, где она слишком открыто выступала на стороне оккупационных властей. Местное население упрекало СЕПГ в том, что она не может противодействовать демонтажам и допускает вывоз немецких специалистов в Советский Союз. От членов СЕПГ об этих упреках становилось известно и советской военной администрации. На позиции СЕПГ негативно влияли также серьезные проблемы со снабжением населения и производом представителей советской военной администрации на местах. Значительная часть немцев воспринимала СЕПГ как «партию русских» и потому отказывала ей в доверии.

Ряд представителей СВАГ, полагавших, что в СОЗ назревает кризис, считал недостаточно высокий уровень авторитета СЕПГ серьезной проблемой. Среди них

⁵¹ СССР и германский вопрос, т. 3, с. 262.

⁵² *Semjonow V. S. Von Stalin bis Gorbatschow. Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939—1991.* Berlin, 1995, S. 251.

⁵³ СССР и германский вопрос, т. 3, с. 126—143, 147—158; *Sowjetische Interessenpolitik in Deutschland 1944—1954*, S. 281—288.

⁵⁴ ГАРФ, ф. Р-7184, оп. 1, д. 19, л. 7—31; запись прений по докладу см.: там же, л. 32—39; *John J., Scherstjanoi E. «Perestrojka» in der sowjetischen Besatzungspolitik. Schlüsseldokumente zum Umbau der Militäradministration.* — VfZ, 2017, Jg. 65, N. 3, S. 395—446. В мемуарах И. С. Колесниченко в общем виде излагает некоторые положения доклада. — *Колесниченко И. С. Битва после войны.* М., 1987. В научной литературе доклад впервые упоминается в: *Creuzberger S. Die sowjetische Besatzungsmacht und das politische System der SBZ.* Weimar etc., 1996, S. 106—110.

был Колесниченко. По его мнению, опыт немцев в вопросах хозяйствования и управления следовало использовать не только для оптимизации производства, но и для предотвращения экономического и политического кризиса, что отвечало бы как советским, так и германским интересам. Роль ведущей силы в деле внедрения этого опыта предлагалось целиком передать СЕПГ, а для этого требовалось изменить отношение к ней и к германским органам в целом.

Внутри оккупационной администрации проявились и определенные разногласия по вопросу о роли СЕПГ. Одни считали, что СЕПГ необходимо быстро превратить в кадровую партию и содействовать усилению ее коммунистического крыла. Другие полагали, что от нее следует требовать проведения более либерального курса в вопросе заключения союзов и объединения различных политических сил. В надежде на то, что в дальнейшем СЕПГ сможет развернуть деятельность на территории всей Германии, представлялся уместным поиск социальной базы для нее также и в некоммунистических кругах рабочего класса и буржуазно-либеральном лагере: Москва хотела видеть в СЕПГ наиболее последовательного борца за германское единство, пользовавшегося широкой поддержкой левых и демократических кругов.

Сталин шел в своих расчетах еще дальше. Давно требовал решения поставленный западными союзниками вопрос о предоставлении советскими властями СДПГ разрешения на деятельность не только в Берлине, но и на всей территории СОЗ⁵⁵. На встрече с руководством СЕПГ в конце января 1947 г. Сталин отметил, что этот вопрос неизбежно придется решать. Он отверг опасения членов немецкой делегации и подчеркнул, что левые силы, настроенные против коммунистов, нуждаются в Восточной Германии в политической организации вне СЕПГ. Сталин был заинтересован в создании широкой коалиции сил, выступавших за скорейшее заключение мирного договора. Разрешение в СОЗ деятельности социал-демократической организации отнюдь не исключал, по словам Сталина, превращения 1,6 млн членов СЕПГ в «подлинных социалистов»⁵⁶. Вопрос о допуске СДПГ в СОЗ связывался с получением разрешения на деятельность СЕПГ в западных оккупационных зонах, где она могла стать альтернативой КПП и СДПГ. Сталин подчеркнул, что «хорошо бы как можно скорее иметь в Западной Германии СЕПГ», поскольку тамошняя КПП ошибочно придерживается лозунга установления диктатуры пролетариата, а у СЕПГ другая программа⁵⁷. Вопрос о допуске СДПГ в СОЗ сохранялся на повестке дня до мая 1947 г.⁵⁸

Что касается экономики Восточной Германии, то стабилизировать ее и предотвратить надвигавшийся кризис можно было лишь отказавшись от разрушительной по своим последствиям политики демонтажа. Руководство СВАГ пришло к выводу, что развивать экономику следует не путем ее централизации в масштабах зоны, а опираясь на потенциал регионов и их местный опыт⁵⁹, с учетом межзональной торговли и в интересах хозяйственного восстановления единой Германии. Для ре-

⁵⁵ Wilhelm Pieck. Aufzeichnungen zur Deutschlandpolitik 1945—1953, S. 95.

⁵⁶ Bonwetsch B., *Bordjugov G.* Op. cit., S. 279—303, 298.

⁵⁷ СССР и германский вопрос, т. 3, с. 257.

⁵⁸ Об этом свидетельствуют стенограмма и материалы 11-го заседания правления СЕПГ 11—22 мая 1947 г. — Bundesarchiv (далее — BArch), DY 30/IV 2/1/20—21.

⁵⁹ Р. Бадштюбнер и В. Лот в комментариях к изданным ими записям В. Пика квалифицировали этот аспект как малозначительный и подчеркнули, что проблема репараций сразу же отодвинула на задний план задачу децентрализации германской экономики (Wilhelm Pieck. Aufzeichnungen zur Deutschlandpolitik 1945—1953, S. 92). С этой точкой зрения нельзя согласиться. Дело в том, что советская сторона поначалу действительно хотела координировать экономическую политику на региональном, а репарационную политику на межзональном уровне и лишь летом 1947 г. пришла к выводу, что возможности для этого исчерпаны.

шения этой задачи считалось, однако, целесообразным принять сначала ряд мер, в том числе организационно-административных, направленных на обеспечение скоординированного функционирования экономики в рамках зоны оккупации⁶⁰. Примечательно не то, что теперь предусматривалось создание в СОЗ зонального органа управления экономикой, а то, что вопреки желанию СЕПГ в расчетах Сталина этот орган рассматривался как некий запасной вариант на случай, если процесс формирования германского «центрального правительства» с его общегерманскими хозяйственными органами управления затянется. Соколовский и Коваль считали экономическую кооперацию на базе земель поверх границ оккупационных зон столь же необходимой, как и принятие определенных мер по координации экономического развития в рамках советской зоны.

Руководство СЕПГ еще в начале осени 1946 г. настойчиво предлагало координировать экономическое развитие на зональном уровне и активнее привлекать германские центральные административные органы зонального уровня к планированию репарационных изъятий⁶¹. В октябре 1946 г. Коваль советовал возложить на немцев большую долю ответственности в вопросах экономического планирования, подчеркивая, что немецкие зональные административные органы не могут больше оставаться «простым придатком» управлений СВАГ, и что советской стороне следует постепенно ограничить свои функции контролем над этими органами и вопросами общего планирования⁶². Он поддержал предложенный СЕПГ проект учреждения зонального «Ведомства экономического планирования», не обладавшего законодательными полномочиями⁶³. К началу 1947 г. руководство СЕПГ вновь высказало пожелание, «чтобы советские оккупационные власти в экономических вопросах ограничились контролем, передав хозяйственное планирование в руки немецкого зонального органа»⁶⁴. Соколовский и Семенов заявили, что это пожелание является оправданным. В Москве тоже не считали определенное разделение полномочий в вопросах планирования препятствием на пути создания единого германского государства, однако хотели избежать чрезмерной концентрации власти в руках немецкого зонального органа и неправильного восприятия как западными союзниками, так и внутри СОЗ самого факта его создания⁶⁵. Однако СВАГ, заин-

⁶⁰ В планах советского руководства учрежденные в 1945 г. в СОЗ «германские центральные управления» рассматривались не как шаг на пути к созданию правительства сепаратного государства на востоке Германии, а как ядро возможных в будущем правительственных учреждений общегерманского государства, административно-территориальное устройство которого могло быть федеративным. Такое устройство, по мнению Москвы, не должно было, однако, помешать исполнению Германией обязательств по мирному договору (СССР и германский вопрос, т. 3, с. 243—244). Вместе с тем в беседах с немцами советские представители высказывали мысль, что федерализм приведет к экономическому ослаблению Германии.

⁶¹ Записка «Критический анализ и конструктивные предложения по народнохозяйственному планированию в СОЗ» от 26 сентября 1946 г., подписанная В. Ульбрихтом. — ВАРch, DY 30/IV 2/602/108, Вл. 125—140; в переводе на русский язык этот документ хранится в России. — ГАРФ, ф. Р-7317, оп. 4, д. 37, л. 1—20.

⁶² В. С. Семенов считал такую точку зрения обоснованной. — СССР и германский вопрос, т. 3, с. 124—126.

⁶³ Wilhelm Pieck. Aufzeichnungen zur Deutschlandpolitik 1945—1953, S. 85—92.

⁶⁴ СССР и германский вопрос, т. 3, с. 241.

⁶⁵ Проект учреждения в СОЗ Центрального ведомства экономического планирования в 1946—1947 гг. неоднократно перерабатывался. О возражениях советской стороны по вопросу предоставления законодательных функций немецким административным органам в СОЗ см.: *Foitzik J.* «Über die Frage, inwieweit die selbständige Existenz der sowjetischen Zone zweckmäßig ist, muss schnellstmöglich entschieden werden». — Deutschland Archiv, 2003, № 3, S. 431—432. Соглашение о передаче компетенций земель центральным органам от 10 февраля 1947 г. СВАГ ввела в действие своим приказом

тересованной в составлении плана экономического развития СЗГ на 1947 г.⁶⁶, пришлось столкнуться с рядом технических проблем, поскольку уточнение планов для САО затянулось до середины 1947 г.⁶⁷ Возвращение немцам отдельных промышленных и сельскохозяйственных предприятий также потребовало внесения изменений в составленные бюджетные планы земель, а в связи с изменением оккупационных структур и демобилизацией части войск оккупационные расходы пришлось несколько раз пересчитывать.

РЕФОРМА ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Для реализации планов оптимизации экономики и системы управления СЗГ требовалось преобразовать оккупационный режим из военного в политический. Стало ясно, что советское присутствие в Восточной Германии будет продолжительным. 23 декабря 1946 г. в записях В. Пика о его беседе с советскими представителями в штаб-квартире СВАГ в Карлсхорсте впервые появляются слова «коменданты, контрольные функции»⁶⁸, смысл которых проясняется в связи с изложенной выше идеей реформы.

10 января 1947 г. в Веймаре произошло решающее событие: Колесниченко выступил перед своими подчиненными и присутствовавшим на заседании заместителем по делам гражданской администрации главного начальника СВАГ и уполномоченным МВД СССР генерал-полковником И. А. Серовым с докладом о необходимости срочного проведения реформы⁶⁹. Сказанное Колесниченко, принадлежавшего к числу доверенных лиц Соколовского, безусловно, отражало и позицию последнего. 28 января 1947 г. Соколовский и Семенов писали Молотову: «Переход СВАГ к функциям контроля, бесспорно, является нашей ближайшей перспективой». Вместе с тем они подчеркивали необходимость промежуточных шагов, поскольку существовавшую систему управления нельзя было так просто ликвидировать, не создав ей соответствующую замену⁷⁰. Слово «реформа» действующие лица описываемых событий не употребляли, но смысл намеченных преобразований был именно таким⁷¹.

На фигуре Колесниченко, фактически объявившем об изменении советской оккупационной политики, стоит остановиться подробнее⁷². В кругу советских военных в Германии Колесниченко пользовался авторитетом. Он выделялся в кругу генералов, занимавших руководящие посты в советских оккупационных органах. Колесниченко считался энергичным человеком, который не только точно исполнял приказы, но и проявлял инициативу в решении вопросов, возникавших в сфере его ответственности — в земле Тюрингия. В 1946—1947 гг. он неоднократно выступал за проведение политики децентрализации, за что его позже упрекали в «партику-

№ 138 лишь 4 июня 1946 г. — Um ein antifaschistisch-demokratisches Deutschland. Dokumente aus den Jahren 1945—1949. Berlin, 1968, S. 280—283, 467—468.

⁶⁶ ГАРФ, ф. Р-7317, оп. 8, д. 7, л. 298—300.

⁶⁷ САО работали в соответствии с планами народнохозяйственного развития СССР, а соответствующий закон был принят 1 марта 1947 г.

⁶⁸ Wilhelm Pieck. Aufzeichnungen zur Deutschlandpolitik 1945—1953, S. 96.

⁶⁹ ГАРФ, ф. Р-7184, оп. 1, д. 19, л. 7—31.

⁷⁰ СССР и германский вопрос, т. 3, с. 241.

⁷¹ И. С. Колесниченко в мемуарах слово «реформа» не употребляет и несколько принимает значение происходившего. — *Колесниченко И. С.* Указ. соч., с. 132.

⁷² И. С. Колесниченко (1908—1984 гг.) занимал должность заместителя по делам гражданской администрации начальника УСВАТ на протяжении всего периода существования этого оккупационного органа, а после роспуска СВАГ в 1949 г. работал в Советской Контрольной Комиссии.

ляризме», превышении полномочий, «самодурстве», неисполнении предписаний⁷³. В сентябре 1947 г. он был вынужден пожаловаться Соколовскому на интриги, которые плетутся против него, и на организованную за ним слежку⁷⁴. Немцы, с которыми Колесниченко сталкивался по работе, хвалили его деловой стиль и отмечали, что «с ним можно открыто обсуждать проблемы»⁷⁵. На политиков из западных зон оккупации, с которыми Колесниченко приходилось встречаться, он тоже производил положительное впечатление. Бургомистр Бремена В. Кайзен (СДПГ) характеризовал его как «выдающегося офицера, который полностью отдается решению поставленной перед ним задачи, живо реагирует на любую инициативу и сразу же переходит к обсуждению сути вопроса»⁷⁶.

10 января 1947 г. прочитав доклад, Колесниченко предложил присутствовавшим перейти к обсуждению его содержания. Присутствующим было известно, что решение уже принято; замечаний с их стороны было немного. Однако некоторые возражения были весьма показательными и свидетельствовали, что отдельные руководители оккупационных органов на местах стремились сохранить свои властные полномочия⁷⁷.

Аргументация Колесниченко, прежде всего изложенное им политическое обоснование необходимости реформ, выглядит, однако, на редкость путано. С одной стороны, он повторил высказывания политработников о неактивности и безответственности коммунистов из СЕПГ, которые не отличаются боевитостью в противодействии негласному сопротивлению социал-демократов⁷⁸, а также отметил, что СЕПГ делает слишком мало для того, чтобы освободиться от ярлыка «партии русских» и обрести в глазах населения образ немецкой национальной партии. С другой стороны, он говорил о необходимости широкого союза национальных сил и требовал большей самостоятельности для СЕПГ и предоставления большей свободы действий для буржуазных партий. По его мнению, политическая альтернатива выглядела так: «либо мы развяжем внутренние демократические силы Германии, поможем им развернуться, укрепиться и возглавить сложный процесс демократизации и искоренения остатков фашизма в экономике, общественной жизни и сознании людей и этим обеспечим создание действительно демократического, действительно миролюбивого немецкого государства, либо мы будем сдерживать внутренние силы демократии... и подпирать штыками демократию до последнего дня оккупации с большим риском вызвать к жизни антидемократические силы на другой же день конца оккупации и позволить этим силам побороть неокрепшую и лишенную нашей поддержки демократию»⁷⁹.

Колесниченко, сделавший военную карьеру в сталинском СССР, безусловно, не отличался либеральными взглядами. О немецких представлениях о демократии он высказывался негативно. 7 февраля 1947 г. он заявил премьер-министру Тюрин-

⁷³ *Nikitin P. I. Zwischen Dogma und gesundem Menschenverstand: Wie ich die Universitäten der deutschen Besatzungszone «sojjetisierte». Erinnerungen. Berlin, 1997, S. 53.*

⁷⁴ ГАРФ, ф. Р-7184, оп. 1, д. 19, л. 255—259.

⁷⁵ *Dreykorn G.H. Erinnerungen an meine Tätigkeit in Weimar 1945 bis 1947. — Zeitschrift des Vereins für Thüringische Geschichte, 1995, Bd. 49, S. 33.*

⁷⁶ *Weser-Kurier, 7.VIII.1946.*

⁷⁷ ГАРФ, ф. Р-7184, оп. 1, д. 19, л. 31—39.

⁷⁸ В ходе дискуссии по докладу Колесниченко аналогичную точку зрения высказал и начальник Управления пропаганды УСВАТ М. М. Варакин, охарактеризовавший СЕПГ как неопытную, не обладавшую внутренним единством партию, которая предоставила социал-демократам слишком много власти на местах. Вместе с тем он подчеркнул, что СЕПГ нуждается не в опеке, а в дельных советах. — Там же, л. 32.

⁷⁹ Там же, л. 17.

гии Р. Паулю, что в Германии, видимо, путают понятия «демократия» и «анархия», и предложил прочитать ему доклад о «подлинной демократии»⁸⁰. Однако тезис Колесниченко о необходимости для послевоенной Германии миролюбивой демократии отнюдь не свидетельствовал о наличии у Москвы и СВАГ в 1947 г. установки на «советизацию», тем более что речь в докладе велась не только о СОЗ, но и обо всей Германии. Примечательно, что за шесть недель до визита в Москву руководителей СЕПГ и их переговоров со Сталиным, Колесниченко, основываясь на собственном опыте, приобретенном в Тюрингии, высказался резко против допуска СДПГ к власти в советской зоне. Здесь ему в 1945 г. противостояли первый премьер-министр земли Г. Бриль и сторонники бухенвальдского «Манифеста демократических социалистов», которые не желали идти ни на какие уступки в программных вопросах и требовали считаться с их революционной позицией. Оккупационная власть этого опасалась и предпринимала определенные шаги, чтобы заставить представителей левых сил придерживаться ее планов решения германского вопроса. Этим, видимо, и объясняются обвинения в адрес Колесниченко со стороны некоторых руководителей СДПГ в жесткости и даже враждебности⁸¹.

В 1947 г. СЕПГ, по мнению Колесниченко, было еще далеко до кадровой партии. Он призывал «постепенно и очень умело» изменить ее, чтобы «укрепить влияние и позиции СЕПГ в административном аппарате»⁸². То, что Колесниченко говорил о СЕПГ, можно, конечно, назвать «сталинизацией», однако советские коммунисты считали такое преобразование партии необходимым не столько в целях построения социализма на немецкой земле, сколько подчинения СЕПГ воле Москвы, как ясно дал понять Сталин 31 января 1947 г. Колесниченко говорил о построении социализма в Германии лишь как о «программе-максимуме», выполнение которой обеспечит гарантии долгосрочного мира, даст «уверенность в том, что мир в Европе будет обеспечен не на короткое время»⁸³.

В целом рассуждения Колесниченко на политические темы вряд ли можно считать пригодными для того, чтобы делать заключения относительно расчетов советского руководства в преддверии московской сессии СМВД, тем более относительно замыслов СССР по реализации «программы-максимума». Интерес они могут представлять лишь для изучения изменявшейся позиции СВАГ. В 1946 г. Колесниченко придерживался взгляда, согласно которому буржуазные партии в процессе борьбы за обновление Германии так или иначе быстро саморазоблачатся и утратят доверие народа. Он считал, что германское общество в целом имеет достаточный потенциал для борьбы за демократию, против милитаризма и нацизма. Известно, что в конце 1948 г. его точка зрения изменилась. Он уже заявлял, что его прежний взгляд на германское общество был ошибочным, поскольку немцы оказались совершенно не способны самостоятельно покончить со своим прошлым; поэтому в отношении Германии должна проводиться политика «идеологической оккупации». Колесниченко воспринял идею построения СОЗ по принципу «народной демократии», которая активно продвигалась в 1948 г. прежде всего Управлени-

⁸⁰ Landesarchiv Thüringen — Hauptstaatsarchiv Weimar (далее — LATH-HStA Weimar), LTh-BMP, Nr. 514, Bl. 165.

⁸¹ LATH-HStA Weimar, Bezirksparteiarchiv der SED Erfurt (BPA), II/2-003, Bl. 12; *Gniffke E.W.* Jahre mit Ulbricht. Köln, 1966 (Reprint, 1990), S. 85; *Malycha A.* Auf dem Weg zur SED. Die Sozialdemokratie und die Bildung einer Einheitspartei in den Ländern der SBZ. Eine Quellenedition. Bonn, 1995, S. 98—101; *Kachel S.* Ein rot-roter Sonderweg? Sozialdemokraten und Kommunisten in Thüringen 1919 bis 1949. Köln, 2011.

⁸² ГАРФ, ф. Р-7184, оп. 1, д. 19, л. 12, 21.

⁸³ Там же, л. 21.

ем пропаганды СВАГ под руководством полковника С.И. Тюльпанова⁸⁴. В конце 1948 г. эта идея была отклонена Сталиным, который считал ее по большей части непригодной для СОЗ⁸⁵.

Однако в начале 1947 г. Колесниченко делал ставку на опыт и демократические и либеральные настроения немцев, полагая, что их, не в последнюю очередь благодаря руководству СЕПГ, удастся удержать от антисоветских выступлений. Колесниченко считал необходимым завоевать доверие немцев. В своем докладе он подверг резкой критике распространенную практику, при которой представители оккупационной власти вмешивались буквально во все дела, командовали, наказывали, действовали через голову немецких депутатов, должностных лиц и профсоюзов. Колесниченко зачитал подчиненным письменную жалобу председателя земельной организации СЕПГ Тюрингии, в которой указывалось на «слишком резкое применение власти офицерами по отношению к гражданским органам самоуправления федеральной земли, районов и общин»⁸⁶, и подчеркнул, что с этим пора заканчивать.

С немцами, по мнению руководства СВАГ, необходимо было выстраивать новые отношения, менять методы обращения с ними. Без этого вряд ли можно было рассчитывать на достижение целей, которые СССР ставил перед собой в послевоенной Германии. Осознание этой потребности со всей неизбежностью выдвигало на повестку дня вопрос о принципиальной перестройке оккупационного режима и его институтов. Дополнительным фактором, стимулировавшим перестройку, являлось возникновение в результате выборов осенью 1946 г. немецких органов власти — ландтагов и земельных правительств, мнение которых необходимо было так или иначе учитывать, чтобы сохранять политическое влияние.

Реформа предполагала, во-первых, структурную перестройку сети комендатур и изменение служебных обязанностей их персонала, во-вторых, укрепление и повышение роли политических и административных подразделений СВАГ.

По состоянию на февраль 1947 г. СВАГ располагала в СОЗ (кроме Берлина) 224 районными, городскими комендатурами и комендатурами городских районов. Они находились в подчинении 18 окружных комендатур. Комендатуры, превратившиеся со временем в слабо управляемый элемент организационной структуры оккупационного режима, затрудняли переход СВАГ к использованию политических методов, ориентированных преимущественно на решение административных задач. Молодые офицеры в комендатурах несли воинскую службу расслабленно, при заполнении штата комендатур местами отмечались случаи семейственности, оказание сотрудниками комендатур протекции и их участие в торговле на «черном рынке». Сложное экономическое положение в конце 1946 г. способствовало усилению произвола в работе комендатур⁸⁷. Поэтому ограничение их власти становилось

⁸⁴ В отчете о проверке Управления информации СВАГ от 17 августа 1948 г. эта позиция была подвергнута критике. Указывалось на «левацкие ошибки в оценке ближайших перспектив политического развития Советской зоны оккупации» и делался упрек в адрес Колесниченко в связи с его желанием развернуть классовую борьбу вместо того, чтобы активизировать работу по созданию блока партий. — Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов 1945—1949, с. 217—224.

⁸⁵ Scherstjanoi E. Die deutschlandpolitischen Absichten der UdSSR 1948. Erkenntnisstand und forschungsgleitende Problematisierung. — Das letzte Jahr der SBZ. München, 2000, S. 39—54.

⁸⁶ ГАРФ, ф. Р-7184, оп. 1, д. 19, л. 15.

⁸⁷ Такие случаи, имевшие место в Тюрингии, были отмечены, в частности, в приказе СВАГ № 0375 от 18 ноября 1946 г. (ГАРФ, ф. Р-7317, оп. 7, д. 27, л. 346—348). Командующий 8-й Гвардейской армией генерал-полковник И. В. Болдин, возглавлявший УСВАТ, в прениях по докладу

первоочередной задачей. Было решено сократить число комендатур, изменить их сеть, уволить часть комендантов, а оставленным в должности и офицерам комендатур ограничить полномочия.

Чтобы покончить с самовластьем «оккупационных князьков», как частенько за глаза именовали советских комендантов немцы, и их персонала необходимо было первым делом ликвидировать окружные комендатуры, являвшиеся промежуточным звеном между управлениями советской военной администрации земель и провинций и комендатурами на местах. 28 декабря 1946 г. приказом № 0412 руководство СВАГ распорядилось закрыть производственные предприятия и подсобные хозяйства, все еще сохранявшиеся при некоторых комендатурах, воинских частях и прочих советских учреждениях (в ряде случаев были сделаны исключения), поскольку их продукция часто становилась предметом нелегальной торговли⁸⁸. Эти предприятия передавались в собственность земель и общин. 13 февраля 1947 г. начальник штаба СВАГ распоряжением № 08 напрямую подчинил все комендатуры в финансовом отношении соответствующим управлениям советской военной администрации земель и провинций⁸⁹, после чего приказом главноначальствующего СВАГ № 0261 от 2 августа 1947 г. все окружные комендатуры были упразднены, а районные и городские переданы в прямое подчинение земельных и провинциальных подразделений СВАГ⁹⁰.

Параллельно с этим поэтапно был расширен штат политических органов районных комендатур и стоявших над ними политических управлений СВАГ и ее земельных подразделений. Политические органы СВАГ (до мая 1947 г. управления и отделы пропаганды, затем управления и отделы информации) с момента установления оккупационного режима отвечали за работу с германскими партиями, профсоюзами, организациями и общественностью. Они проверяли их программы, контролировали выборы, кадровые назначения, проведение мероприятий по денацификации системы образования и органов управления, инспектировали зрелищные мероприятия, осуществляли цензуру, анализировали политические настроения. В мае 1947 г. штат Управления информации СВАГ был расширен с 45 до 160 человек, управление претерпело структурные изменения. Осенью 1947 г. аналогичная перестройка коснулась и отделов информации управлений советской военной администрации на земельном уровне⁹¹. Политические инструкторы районных комендатур с этого времени стали регулярно проходить курсы подготовки. Усовершенствованный политический аппарат оккупационных органов земельного и районного уровня постепенно принял на себя решение задач по контролю над немецкими органами на местах, который ранее осуществляли комендатуры. Наряду с экономическими и другими специализированными отделами земельных управлений советской военной администрации он стал важным инструментом взаимодействия с немецкими инстанциями. Сфера компетенции районных комендатур была ограничена контрольными функциями и проведением мероприятий в соответствии с распоряжениями вышестоящих органов. Отныне им запрещалось напрямую критиковать немецкие ведомства, учреждения и должностных лиц (это они могли делать только через вышестоящих начальников). Органам советских оккупационных властей было запрещено вмешиваться в дела немецких судов, изменялся порядок

И. С. Колесниченко указал на непристойное поведение некоторых советских военных, порочащее честь офицера. — Там же, ф. Р-7184, оп. 1, д. 19, л. 38—39.

⁸⁸ Там же, ф. Р-7317, оп. 7, д. 28, л. 181—186.

⁸⁹ Там же, оп. 8, д. 52а, л. 72.

⁹⁰ Там же, оп. 7, д. 48, л. 164—165.

⁹¹ Советская военная администрация в Германии. 1945—1949, с. 291—301.

их переписки с немецкими ведомствами и частными лицами, устанавливалось, что проводить официальные встречи и совещания с немцами могли только советские представители в должности не ниже коменданта или его заместителя. С лета 1947 г. весь состав советских оккупационных органов был переведен на казарменное положение. К концу 1947 г. перестройка оккупационного режима была завершена, хотя она, как и всякая реформа, безусловно, не решила всех проблем.

Подводя итог, отметим, что изменения в оккупационном режиме СОВ, коснувшиеся вопросов экономической политики, системы взимания репараций, структуры, сфер компетенции и методов работы СВАГ и всех ее элементов, которые начались незадолго до московской сессии СМВД, отражали стремление решить комплекс серьезных проблем, возникших к этому времени в Восточной Германии, и не допустить в ней экономического и политического кризиса. Они отразили осознание руководством СССР неопределенности временных перспектив выработки и заключения мирного договора с общегерманским правительством, что делало неизбежным более длительное советское военное присутствие на немецкой земле. Изменение оккупационного режима в СОВ было призвано улучшить позиции СССР в Германии, ускорить заключение мирного договора и способствовать достижению других целей советской политики в германском вопросе.

Организационно-техническая по своему характеру «перестройка» оккупационного режима в СОВ, начавшаяся на рубеже 1946—1947 гг., по времени совпала с другой «перестройкой», которая происходила в западных зонах оккупации и имела иное содержание. Американские власти все больше демонстрировали отход от выполнения ранее согласованных межсоюзнических соглашений по принципиальным вопросам германской политики. Новой целью, которая по окончании московской сессии СМВД ими уже открыто провозглашалась, являлось экономическое и государственно-политическое обособление западных зон оккупации. Вопрос о том, насколько влияли друг на друга процессы на востоке и западе Германии, еще ждет своего исследователя.

Реформированный оккупационный режим в СОВ стал эффективным проводником советской политики в Германии. После того как на рубеже 1948 г., уже в разгар «холодной войны», руководство СССР начало переосмысливать перспективы решения германского вопроса и менять свои тактические установки, именно политически руководимый оккупационный аппарат стал инструментом, который на практике с успехом выполнял новые установки.